

Шабасова, М. А. Транзитологический анализ постсоветского пространства: критика компаративного подхода / М. А. Шабасова // *Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэдактар) [і інш.]*. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 146–151.

М. А. ШАБАСОВА

ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: КРИТИКА КОМПАРАТИВНОГО ПОДХОДА

В 1990-е гг. корпоративная замкнутость советологических исследований была нарушена и страны бывшего «социалистического лагеря» попали в поле зрения транзитологии, науки, изучающей становление демократических режимов в ранее авторитарных или тоталитарных государствах. Исходя из того, что итогом любого развития является политический либерализм, транзитологи полагали, что для изучения стран, переживающих «переходный период», применимы понятия и методы, используемые для анализа устоявшихся и доказавших свою эффективность западных демократий. Предполагалось также, что трансформационные процессы и результаты преобразований обладают определенной общностью, и нет необходимости выделять конкретную страну в отдельный объект исследования, а можно рассматривать ее в сравнительной перспективе.

Вмешательство в постсоветские исследования ученых-транзитологов объясняется несколькими причинами. Во-первых, советологи не справились с задачей прогнозирования изменений в «социалистическом лагере». Не было оснований полагать, что специалисты, занимающиеся только российскими и восточноевропейскими исследованиями и практикующие региональный подход, окажутся более прозорливыми, имея дело с обломками бывшей империи. Во-вторых, транзитологов притягивала перспектива включить ранее не изученный регион в сферу своих научных интересов и доказать тем самым универсальность своих теорий «перехода». И наконец, в-третьих, некоторое значение имел цивилизационно-культурный фактор. Успешное применение транзитологических концепций доказало бы верность исторического развития западной цивилизации, пришедшей к созданию демократических режимов и рыночной экономики. Да и само название дисциплины — транзитология («наука о переходе») — имеет телеологический, целенаправленный характер, т. е. предполагает, что трансформирующиеся государства будут неизменно продвигаться к известной исторической цели, уже заданному идеалу, представленному в виде либерального политического режима, сопровождающегося экономическим развитием, основанным на рыночных принципах.

Транзитологический подход имеет некоторые теоретические предпосылки. Его сторонники опираются на мнение С. Хантингтона, полагавшего, что

демонтаж социалистической системы, начавшийся в 1989 г., является частью мирового процесса, продолжением «третьей волны» демократизации, стартовавшей в 1974 г. в Португалии, прокатившейся по Латинской Америке и захлестнувшей, в конце концов, Восточную Европу¹. Ф. Фукуяма в статье «Конец истории» предвещал, что со временем страны, уклонившиеся от магистрального пути развития, вернутся на него и существующее политическое разнообразие сведется в конце концов к единой прозападной модели демократии². В отличие от исследователей предыдущего поколения транзитологи считали, что демократия может быть построена в любом государстве за пределами англосаксонского мира. Единственным необходимым условием успешной трансформации, обозначенным еще Д. Рустоу, называлось наличие территориально целостного государства, что выглядело проблемным для постколониальных стран Азии и Африки и постсоветских республик, границы которых оставались спорными³.

Методы, применяемые транзитологами, соответствовали достижениям общественных дисциплин. Наибольшее распространение получил структуралистский подход, виднейшими представителями которого являются С. Липсет, Б. Мур и др. Ряд авторов (Д. Рустоу, Дж. Линц, Ф. Шмиттер, Г. О’Доннелл) особое внимание обращали на роль личного фактора, представленного политическими лидерами и элитами. Это особенно важно подчеркнуть, так как транзитологи, обосновывая жизнеспособность демократии, выдвинули на первый план изучение «групп интересов»⁴. Не имеет значения, смогла ли определенная страна достигнуть необходимого экономического уровня или построить гражданское общество. В расчет шло только «соглашение», заключенное между правящей элитой и оппозицией, обеспечивающее безболезненную трансформацию авторитаризма в новую политическую систему, где интересы основных действующих сил были бы учтены. Как отмечал Р. Сани, «их [транзитологов] лично ориентированный подход отверг не только предпосылки и структуры демократии, но также и внешнеполитический фактор и подчеркнул

автономию местных политиков. Кроме того, транзитологи сфокусировали свое внимание на политических режимах, а не на обществе или экономике. Политический режим мог меняться, а распределение собственности и власти в обществе оставалось неизменным»⁵.

Характеризуя состояние «перехода», транзитологи, как правило, исходят из того, что все страны, желающие присоединиться к сообществу демократических государств, проходят определенные этапы развития и им присущи одинаковые черты. Т. Каротерс отмечает некоторые особенности транзитологического подхода к трансформационному периоду. По его мнению, уче-

ные-транзитологи полагают, что большинство «переходных» стран действительно движется к демократии. В процессе «перехода» государство проходит через этап смягчения предшествующего режима, его крах и демократическую консолидацию, предполагающую окончательное оформление демократических институтов и отлаживание демократических процедур. Наличие свободных, честных и регулярных выборов способствует углублению присущему демократии участию народа в политической жизни страны и ответственности политических лидеров за свои действия перед избирателями. Шансы на успех преобразований в той или иной стране оцениваются в связи с действиями или намерениями политической элиты без учета экономических, социальных и институциональных условий или исторического наследия. Государственное строительство является одним из условий демократизации и проходит в тесной взаимосвязи с ней⁶.

Все эти предположения весьма уязвимы. Оценки исследователей государственных структур и общественных организаций процесса трансформации зачастую значительно отличаются. Так, по оценкам, данным в 2003 г. «Freedom House», организацией занимающейся вопросами демократии, из всех республик бывшего Советского Союза только государства Балтийского региона могут расцениваться как вполне благополучные демократические режимы⁷. В конце 2004 г. этот недлинный список дополнили Украина и Грузия. Основная же часть постсоветских республик не признается этой организацией ни демократическими, ни строящими демократию.

Не являются обязательными и обозначенные этапы демократизации. В отнесенных к числу стран «переходного периода» Тайване, Мексике и Республике Корея процессы либерализации одержали победу не вследствие коренного перелома в существующем государственном устройстве, а благодаря легальной и многолетней деятельности оппозиции⁸. Бывшие советские республики в большинстве своем не пережили демократической консолидации. Российская Федерация может послужить примером того, что проведение демократических первых выборов не стало основой для успешной либерализации жизни страны, которая к концу 1990-х гг. приобрела некоторые автократические черты. Нельзя отрицать и значимость социальных или исторических предпосылок при формировании новой политической системы. Граждане России, выразившие горячую приверженность демократическим преобразованием во времена перестройки и распада Советского Союза, вскоре стали испытывать ностальгию по СССР и сильной государственной власти, присущей России на протяжении всей ее истории. По мнению многих специалистов, отсутствие демократических институтов внесло хаос в проводимые в стране реформы.

Можно не согласиться и с тем, что демократизация сопровождается государственным строительством. Очевидно, что демократическим реформам часто сопутствует анархия или ослабление исполнительной власти за счет усиления парламентских полномочий и автономности суда, что, во всяком случае первоначально, ослабляет государство⁹.

К концу XX в. в адрес универсалистского транзитологического подхода стала раздаваться критика. Многие исследователи настаивали на необходимости деления реформирующихся государств на две группы, в зависимости от их «авторитарного» или «тоталитарного» прошлого. Страны Южной Европы и Латинской Америки, имевшие опыт авторитаризма, могли существенно отличаться от «посттоталитарных» государств Восточной Европы. Дискуссия, касавшаяся сравнительного анализа трансформационных процессов в разных уголках земного шара, развернулась на страницах журнала «Slavic Review» между В. Банс, с одной стороны, и К. Терри и Ф. Шмитгером, с другой. В. Банс, являющаяся одной из наиболее авторитетных защитниц различия «переходных» периодов в «поставторитарных» и «посткоммунистических» государствах, считала, что срывать посткоммунистические государства с другими новыми демократиями довольно проблематично и было бы более уместно применять интрарегиональный подход, то есть иметь дело только со странами бывшего соцлагеря. В пользу такой точки зрения, на ее взгляд, говорило то, что интрарегиональный анализ позволял сочетать преимущества компаративизма с теми достоинствами, которые дает работа с фактами и точными категориями. Главными причинами, не позволяющими ученым прибегать к широким сравнениям, В. Банс называет различия между преобразованием «поставторитарных» и «посттоталитарных» режимов, ограниченность сопоставимости разных стран и исчерпанность возможностей компаративизма с вовлечением многочисленных объектов изучения¹⁰.

В своих работах В. Банс выделяла специфику посткоммунистического региона. По ее мнению, государства Восточной и Центральной Европы отличаются четко выраженными особенностями, обусловленными историческим наследием и отсутствием опыта демократии. Процесс демократизации в них может рассматриваться через призму четырех факторов, актуальных для данного региона.

Во-первых, бывшее социалистическое пространство отличается большим разнообразием в том, что касается экономических и политических преобразований, включая показатели стабильности, тип режима и возраст государства. Во-вторых, демократические стандарты постепенно распространяются и в тех государствах, которые первоначально оказались менее к ним вос-

приимчивыми. В-третьих, основную угрозу процессу демократизации представляет слабое государство, которое не в силах обеспечить последовательную трансформацию и защитить зарождающийся политический режим. И наконец, хотя и не всегда, существенную роль при переходе от коммунистического режима к демократическому играли националистические движения¹¹.

Предложив более узкий объект для компаративного анализа, В. Банс критикует традиционную транзитологию за ограниченный круг исследуемых проблем и отмечает, что исследования «переходного» периода, несмотря на кажущееся многообразие, имеют несколько четко выраженных обобщений, переходящих из одной работы в другую. На ее взгляд, подавляющее большинство транзитологов при анализе трансформирующихся государств исходит из того, чего бы эти страны могли добиться в будущем, оставляя без внимания прошлое, и верит в победу демократии, останавливаясь на особенностях смены режима и создании демократических институтов.

К. Терри и Ф. Шмиттер, в свою очередь, отстаивали точку зрения, что выявление исторических, культурных или институциональных особенностей должно стать результатом системного компаративного анализа, а имеющиеся различия не так существенны, чтобы отказаться от всяких сопоставлений. Защищая транзитологию, они писали о том, что нет необходимости противопоставлять кроссрегиональные и интрарегиональные исследования, и было бы правильно использовать оба подхода¹².

В 1990-е гг. существовали региональный и компаративный подходы к изучению Восточной Европы и шли споры об оптимальном их сочетании. Компаративизм и теории «перехода» использовались как западными, так и российскими специалистами, получившими после распада СССР доступ к новейшим методологиям зарубежных общественных дисциплин. Несмотря на то что Дж. Ганс-Морс в своем специальном исследовании утверждал, что классические транзитологические исследования составляют небольшой процент от общего числа работ, затрагивающих посткоммунистическое пространство¹³, интеллектуальное влияние транзитологии было значительным. К концу тысячелетия, однако, многие исследователи полагали, что транзитология, несмотря на свою масштабность и высокий уровень теоретизирования, во многом себя исчерпала, а ее научным наследием стала упрощенная и лишенная реалистичности картина мира. Транзитологи создали стройные логические конструкции, а предложенные ими концепции, по всей вероятности, могут иметь положительное значение для развития теоретической части общественных дисциплин. Будучи, однако, оторванными от эмпирической базы, они не удовлетворяют требованиям современности

и оставляют место для новой научной парадигмы, которую можно было бы применить в дальнейших академических исследованиях трансформационных процессов или для выработки адекватной экономической и политической стратегии по отношению к странам, осуществляющим «переход».

¹ Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. М., 2003.

² Fukuyama, F. Das Ende der Geschichte / F. Fukuyama. München, 1992.

³ Suny, R. G. Reform, Revolution, Transformation: Façade Democracy and Authoritarianism in the Post-Soviet World / R. G. Suny // Paper for «Transition from Communist Rule in Comparative Perspective». Session III, «Explaining Variation in Outcomes among Postcommunist Regimes: Theoretical Perspectives». Stanford University, November 15—16. 2002. P. 6.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Carothers, T. The End of Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. Vol. 13, № 1, January 2002. P. 17.

⁷ Beichelt, T. Autocracy and Democracy in Belarus, Russia and Ukraine / T. Beichelt // Democratization. Vol. 11, № 5, December 2004. P. 117.

⁸ Carothers, T. The End of Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. Vol. 13, № 1, January 2002. P. 15.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Bunce, V. Paper Curtains and Paper Tigers / V. Bunce // Slavic Review. Vol. 54, № 4, Winter 1995. P. 979—987.

---

¹¹ *Bunce, V.* Comparative Democratization : Lessons from the Post-Socialist Experience // After Communism: Perspectives on Democracy / Edited by Donald R. Kelly. The University of Arkansas Press Fayetteville. 2003. P. 31—60.

¹² *Terry K. L.* From an Iron Curtain to a paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism / K. L. Terry, Ph. C. Schmitter // Slavic Review. Vol. 54, q 4, Winter 1995. P. 965—978.

¹³ *Gans-Mors, J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post- Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm / J. Gans-Mors // Post- Soviet Affairs. Vol. 20, № 4. 2004. P. 320—349.